

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-1

Артамонов Алексей Николаевич,
заместитель начальника Главного
управления Минюста России
по Ростовской области, кандидат
юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции; доцент кафедры
«Теория и история государства и права»,
юридический факультет,
Донской государственный технический
университет, 344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Береговая, д. 11/1,
email: artamonov_mj@mail.ru

Artamonov, Aleksey N.,
Deputy Head of the Main Directorate
of the Ministry of Justice of Russia
for the Rostov Region, PhD in Law,
Associate Professor at the Department
of State and Legal Disciplines,
Rostov Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice;
Associate Professor at the Department
of Theory and History of State and Law,
Faculty of Law,
Don State Technical University,
11/1 Beregovaya Str., Rostov-on-Don,
344082, Russian Federation,
email: artamonov_mj@mail.ru

ЕДИНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ – ЗАЛОГ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

A UNIFIED CULTURAL SPACE FOR RUSSIA IS THE KEY TO PRESERVING STATE SOVEREIGNTY

АННОТАЦИЯ. На примере анализа отдельных юридических коллизий, связанных с историческими примерами, состоянием законности в сфере обеспечения культурных основ государства, в статье обосновывается необходимость взвешенных подходов в использовании терминологии нормативных предписаний и публичных мероприятий в целях формирования безопасности и единства правового пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственный суверенитет, культурное пространство, казачество, историческая память

ABSTRACT. Using the example of an analysis of individual legal conflicts related to historical examples and the state of legality in the sphere of ensuring the cultural foundations of the state, the article substantiates the need for balanced approaches to the use of the terminology of regulatory prescriptions and public events in order to create security and unity in the legal space.

KEYWORDS: state sovereignty, cultural space, Cossacks, historical memory

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Артамонов, А. Н. Единое культурное пространство России – залог сохранения государственного суверенитета / *А. Н. Артамонов.* – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 9–14. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-1

FOR CITATION:

Artamonov, A. N. (2025) A Unified Cultural Space for Russia is the Key to Preserving State Sovereignty. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 12(4): 9–14 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-1

Введение. Государством должны быть установлены механизмы защиты суверенитета правовыми методами, через обеспечение верховенства и независимости государственной власти [5, с. 71], т. е. при условии обеспечения единства правового пространства, которое включает в себя, помимо прочего, и культурную и информационную политику, сохранение традиционных ценностей, духовно-нравственных ориентиров, исторической памяти. Не случайно в Основах государственной культурной политики последнее определяется в качестве культурного суверенитета [12], неразрывной составной части государственного суверенитета, включающей в себя необходимость избегать внешнего влияния, обеспечивать защиту от деструктивного информационного, идеологического воздействия, культурной зависимости извне как народа, так и государства в целом.

Из положений указанного документа следует, что не должна деформироваться историческая память, нельзя допускать негативной оценки значительных периодов отечественной истории, внедрения в общественное сознание представления об отсталости России, исторической обоснованности этой отсталости, что не подтверждается ни всемирной историей, ни фактами, полученными, например, в результате археологических раскопок.

В правовом пространстве, под которым мы предлагаем понимать систему правовых норм, находящихся в иерархической согласованности, обеспеченной, в случае необходимости, механизмами государственного принуждения, проявляются установленные правовые (ценностные) ориентиры, хранителем которых выступает общество, что преобразует реальность [8].

Государственные границы, по утверждению некоторых современных исследователей, определяют общность духовной и материальной культуры, совпадая с цивилизационными границами [7], что, на наш взгляд, далеко не всегда соответствует историческому развитию цивилизации, которая может выходить, иногда значительно, за государственные границы.

Поддерживая необходимость сохранения единства культурного пространства народов России, основой которого являются конституционные духовно-культурные ценности [10],

представляется обоснованной возможность его обеспечения через единство правового пространства, во главе которого находится Конституция Российской Федерации. Созданию правовых норм, их внедрению и реализации должны предшествовать, являться их основой ценностные установки, при исключении возможности различия в трактовках общеправового и социогуманитарного содержания [8].

Постановка проблемы формирования культурного пространства для целей обеспечения государственного суверенитета и благополучия нации. В рамках системы теории суверенитета еще с советских времен рассматривается возможность различения государственного, народного и национального суверенитета. Если первый из них – это выражение независимости государственной власти, второй – полновластия народа через участие в управлении обществом и государством, то национальный суверенитет предполагает полноту прав нации в сфере политической, социальной, культурной, языковой и др. и возможность их осуществления [11, с. 78]. В Большом юридическом словаре национальный суверенитет определяется как полновластие нации, включающее наличие свободы, возможности определять характер своей жизни, самоопределяться вплоть до образования самостоятельно государства [1, с. 664].

Здесь мы позволим себе проиллюстрировать недопустимость или опасность отклонения от общего представления на современном историческом этапе о событиях, фактах, личностях или даже символических изображениях, что способно внести споры, разногласия, расколоть общественное мнение, а в умелых руках может превратиться в инструмент внедрения деструктивных идей и общественных движений.

Воспитанием, а в случае необходимости и перевоспитанием личности надо заниматься постоянно, эта работа должна быть системной, включающей в свою орбиту все поколения, тогда от нее может быть положительный эффект для общества и государства. Чем выше уровень правосознания личности, который мы хотим иметь, тем шире должен быть спектр знаний, интересов, тематических сюжетов и сфер обсуждения, изучения, применения. Для этого одних

знаний недостаточно, тем более знаний только законодательства: личность должна проявлять свою активную гражданскую позицию [8].

При этом патриотическое воспитание, от которого мы дружно и с радостью отказались, посчитав его ненужным, постыдным, а кто-то – и вредным для свободного развития личности, – является неотъемлемым условием сохранения той самой личности.

Нужно (и это задача государства) прививать уважение к духовным ценностям, истории, помогая разбираться в сложных периодах, стараясь формировать если не общий взгляд, то возможности осмысления, принятия необходимости тех или иных событий, решений, сближая позиции противников, а не расширяя общественный раскол.

Право в целом, правовые механизмы обусловливаются культурными, духовными, политическими, идеологическими основаниями, обнажают подходы к ним, как историко-политические, так и культурно-исторические [6], что, безусловно, необходимо учитывать при выработке нормотворческих и правоприменительных решений.

Прошлые войны, массовые репрессии, этнические чистки являются основой недоверия между различными социальными группами, могут порождать или усиливать напряженность между ними, выступая фактором коллективной травмы, которая способна передаваться из поколения в поколение [9]. Зная исторические особенности различных этнических, религиозных групп, сохранение среди них потенциала настроений обиды, несправедливого исторического развития связей в данном коллективном образовании или возможности негативной интерпретации каких-либо событий в прошлом, необходимо системно и целенаправленно работать на сглаживание остроты их оценки, выработку примирительных основ и процедур, контролировать развитие тех или иных настроений, общественных движений, связанных с оценкой исторических фактов, их современных последствий.

Если такие процессы пускать на самотек, надеясь на забвение и изменение настроений со временем, ими будут заниматься другие, уже с деструктивными целями.

Поводом обращения к вопросам, освещенным ниже, явилось услышанное на региональ-

ном Совете по делам казачества в текущем, 2025 г., связанное с установлением памятников, иным мероприятиям муниципальных органов власти, посвященными «геноциду» казачества. Являясь не первый год членом Совета, участвуя в мероприятиях, посвященных вопросам межнациональной, межконфессиональной политики регионального, межрегионального и общероссийского масштабов, я не слышал подобной их постановки (или не замечал).

В современной юридической публицистике обсуждаются вопросы, связанные с тяжелыми временами в нашей стране, решениями и событиями, которые имели в том числе и трагические последствия – как для отдельных представителей, так и для целых общностей, групп населения. В недавней статье трех докторов юридических наук обсуждаются вопросы принудительной миграции, как заявлено авторами в аннотации, с целью критического анализа для выработки правового механизма, направленного на преодоление проблем, в том числе возможных в будущем. Так, авторами отмечается, что экстремизации исторической памяти, связанной с событиями в различных регионах Советского Союза, в том числе во время его создания, способствовало нормотворчество как высших должностных лиц нашего государства в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., так и высших органов законодательной и исполнительной власти. Авторами отмечено, что даже наименования актов, принятых в те годы, была определена вина государства, при том что их принятие не явилось результатом научного осмысления исторических событий, а было результатом внешнего влияния вражеских (на тот момент завуалированных) структур [3].

При этом авторы указанной публикации, судя по материалам, провели некоторую работу по подбору фактов, в том числе, например, связанных с казачеством, сформулировали некоторые оценки тех событий, однако сформулированные ими выводы недостаточны для уменьшения опасных последствий возможных спекуляций подобными вопросами в будущем, использования их для раскола общественного сознания и, как следствие, экстремистских проявлений на этом фоне.

Есть принятый в 1991 г. Закон «О реабилитации репрессированных народов», в котором в качестве примера упоминается и казачество,

в нем же содержится указание на государственную политику клеветы и геноцида (ст. 2) [2]. Статья 4 данного закона запрещает пропаганду и подстрекательство, направленные на воспрепятствование реабилитации репрессированных народов, при том что реабилитация заключается в возможности возвращения в места исторического проживания и возмещения ущерба, причиненного государством.

Не будем забывать о том, чем в результате обернулись для нашей страны подобные законы и иные акты и действия, спровоцировавшие необратимые в то время последствия – развал страны, вооруженные конфликты, которые продолжаются и в наше время и могут иметь последствия в будущем (если же наложить на карту страны схему «репрессированных» народов – она совпадет с горячими в разной степени активности точками).

Юридическая наука и практика, создание нормативных предписаний – правил поведения, результаты применения норм и правил зависят от удачности выбора терминологии: какой глагол, существительное или прилагательное употребляются; даже пресловутая запятая может играть судьбоносное значение.

К примеру, в постановлении ЕСПЧ от 20.10.2015 «Дело «Василияускас (Vasiliauskas) против Литвы» (жалоба № 35343/05) речь идет об обвинительном приговоре за геноцид в 1953 г. в отношении советского офицера, боровшегося с бандитизмом на территории Литовской ССР. В этом примере судебного рассмотрения исторических событий и конкретных лиц – их участников можно бандитов, уголовных преступников, террористов назвать партизанами, борцами за свободу и права человека, а борьбу с бандитами, обеспечение конституционного порядка впоследствии одной из процветающих республик Советского Союза с широкими материальными и культурными возможностями граждан, в ней проживавших, назвать геноцидом, и результат судебного разбирательства станет противоположным.

Одним из последствий Великой французской революции было Вандейское восстание (Вандейская война), длившееся семь лет (с 1793 по 1800 г.) и унесшее не одну сотню тысяч человеческих жизней. В ходе подавления этого восстания не подбирались гуманные средства, а применялись самые жестокие меры, каратель-

ные операции, порожденные революционным террором. Однако исторические оценки тех событий не позволили признать их геноцидом (хотя этот термин стал применяться гораздо позже), чтобы не поставить под сомнение результаты Французской революции, которые почитаются в этой стране и сегодня, а документы, принятые тогда, являются частью современной конституции государства.

В случае трагических событий в нашей стране (которые никто не отрицает и ни в коем случае не призывает забывать), определяя результаты революции и гражданской войны в качестве геноцида (казачества, буржуазии, духовенства и др.), какие цели мы можем преследовать? Признать незаконным создание Советской России и Советского Союза и, как следствие, Российской Федерации – их правопреемницы?

С одной стороны, мы возрождаем российское казачество, создаем условия их деятельности для пользы общества и государства, включения их в государственный реестр казачьих обществ, предлагаем брать на себя обязательства по несению государственной службы, обеспечиваем участие казачьих подразделений в главном государственном параде – Параде Победы на Красной площади в столице государства, казаки и их объединения участвуют в обеспечении правопорядка во многих муниципальных образованиях, особенно во время проведения массовых публичных мероприятий, сражаются вместе с вооруженными силами государства с неонацистами, которые дошли до своих нынешних взглядов и действий через обвинения России в геноциде и голодоморе; а с другой – устанавливаем памятники, отмечаем скорбные даты, т. е. обвиняем государство в «геноциде» казаков.

В научной исторической, юридической, политической литературе встречаются дискуссии и размышления по вопросу придания обратной силы деяниям и событиям, подпадающим под категорию «геноцид», которая появилась в официальных документах в 1948 г., по результатам Второй мировой войны и рассмотрения зверств, которые устроили человечеству прежде всего немецкие палачи и их приспешники. Есть желающие клеймить всех и за все, обвиняя, разоблачая, требуя наказаний, компенсаций (как правило, их примеры и предло-

жения носят избирательный характер, далеко не всегда обоснованный). Взвешенная же, на наш взгляд, позиция заключается в неприменении квалификации и правовых последствий, например, геноцида к событиям, имевшим место в истории задолго до появления в международном праве такого понятия [4, с. 96]. Как представляется, постановка подобного вопроса и его обоснование зависят от целей, которые ставит перед собой исследователь.

В случае применения категории «геноцид» относительно казачества, расширения ее применения, увековечения, отмечания и прочего «ковыряния» – какую цель могут преследовать сторонники такой позиции? Каковы возможные последствия этих действий? Является ли подобная деятельность объединяющим, сплачивающим общество инструментом или им возможно достичь только противоположных результатов?

Если у нас нет ответов на эти вопросы или они могут быть неубедительными, способными провоцировать дискуссию и разжигать страсти, беречь исторические боли – нам надо для начала самим отказаться от слова «геноцид» (казаков, отдельных народов Российской Федерации), чтить память павших, помнить трагические страницы нашей истории и не допускать их повторения, не давая поводов врагам и недоброжелателям нас раскалывать на таких чувствительных ее страницах. Так мы будем формировать, сохранять культурное пространство страны, его единство, историческую перспективу, обеспечивая благополучие будущих поколений и суверенитет государства, а значит, безопасность проживающих в нем граждан.

Список использованных источников

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1999. 790 с.
2. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.
3. Киреев М. П., Литвинов Н. Д., Хабибулин А. Г. Принудительная миграция населения как форма революционного насилия советской власти // Миграционное право. 2022. № 4. С. 3–15.
4. Кочои С. М. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. 2001. № 2. С. 95–97.
5. Красинский В. В. Защита государственного суверенитета. М.: Норма, 2017. 790 с.

6. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.

7. Леоненко Н. Т. Государственный суверенитет России в XXI столетии: пройденный путь и видение будущего // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 8. С. 3–7.

8. Петюкова О. Н. Преемственность в сохранении памяти как основа обеспечения государственного суверенитета России // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 32–47.

9. Романенко Е. А., Лесовик И. В. Геноцид: историческая трансформация и экзистенциальная угроза человечеству // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 4. С. 22–25.

10. Рыбакова О. С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодежи // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 53–59.

11. Советское государственное право. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.

12. Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 777.

References

1. Sukharev A. Ya., Zorkin V. D., Krutskikh V. E. (Ed.). The comprehensive law dictionary. Moscow: INFRA-M, 1999. 790 p. [in Russ.].
2. Law of the RSFSR dated 26.04.1991 No. 1107-1 “On the rehabilitation of repressed peoples”. *Bulletin of the Council of People’s Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991. No. 18. Art. 572 [in Russ.].
3. Kireev M. P., Litvinov N. D., Khabibulin A. G. Forced migration of the population as a form of revolutionary violence of Soviet Power. *Migration Law*. 2022. No. 4. P. 3–15 [in Russ.].
4. Kochoi S. M. Genocide: Concept, Responsibility, Practice. *Criminal Law*. 2001. No. 2. P. 95–97 [in Russ.].
5. Krasinsky V. V. Protection of state sovereignty. Moscow: Norma, 2017. 790 p. [in Russ.].
6. Lazarev V. V. Interpretation of law: Classics, modern and postmodern. *Journal of Russian Law*. 2016. No. 8. P. 15–28 [in Russ.].
7. Leonenko N. T. State sovereignty of Russia in the 21st century: The path passed and a vision of the future. *State Power and Local Self-Government*. 2024. No. 8. P. 3–7 [in Russ.].
8. Petyukova O. N. Continuity in preserving memory as the basis for ensuring the state sovereignty of Russia. *Journal of Russian Law*. 2025. No. 4. P. 32–47 [in Russ.].
9. Romanenko E. A., Lesovik I. V. Genocide: Historical transformation and the existential threat to humanity. *International Criminal Law and International Justice*. 2024. No. 4. P. 22–25 [in Russ.].

10. Rybakova O. S. On the issue of the need to form a constitutional and legal worldview of modern youth. *Constitutional and Municipal Law*. 2024. No. 5. P. 53–59 [in Russ.].

11. Soviet State Law. Moscow: Vysshaya shkola, 1978 [in Russ.]. 439 p.

12. Decree of the President of the Russian Federation dated 25.01.2023 No. 35 “On amendments to the foundations of State cultural policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 24 December 2014 No. 808”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 5. Art. 777 [in Russ.].

Поступила в редакцию 24.09.2025

Received September 24, 2025